Изъ воспоминаній А. Л. Филипповой [1].

ГЛАВА I.

Отецъ мой, генералъ-лейтенантъ Лаврентій Степановичъ Васильковскій, родился 10-го августа 1783 г. въ Полтавской губ., Лубенскомъ уѣздѣ, въ имѣніи, принадлежащемъ его отцу. Дѣдъ мой, по отцовской линіи, происходилъ изъ древняго малорусскаго рода: предки его были удѣльными князьями. Одна вѣтвь Васильковскихъ переселилась въ Польшу, приняла католичество и одинъ изъ Васильковскихъ занималъ какую-то значительную должность при Польскомъ Дворѣ. Другая вѣтвь осталась въ Малороссіи. Дѣдъ мой служилъ въ русской арміи, дослужился до генеральскаго чина; прадѣдъ умеръ бригадиромъ. Мать моего отца происходила изъ рода Хмельницкихъ, и одинъ изъ Хмельницкихъ, дядя моего отца, жилъ и умеръ въ Финляндіи, былъ далеко не богатъ [2].

Родители моего отца умерли, когда отецъ и братъ его были еще совсѣмъ маленькими дѣтьми, и дядя ихъ съ отцовской стороны, имѣвшій тоже богатыя помѣстія въ томъ-же Лубенскомъ уѣздѣ, былъ назначенъ опекуномъ надъ сиротами и надъ ихъ имуществомъ. Вскорѣ послѣ смерти и похоронъ брата, дядя отвезъ малютокъ въ Петербургъ, въ Шляхетскій Корпусъ для малолѣтнихъ дворянъ, гдѣ они и оставались вплоть до окончанія своего образованія, и до зачисленія ихъ въ дѣйствующую армію. Ни разу дядя ихъ не навѣстилъ, никогда не посылалъ имъ денегъ. Отецъ

---

[1]) Авторъ воспоминаній—нынѣ здравствующая Анна Лаврентьевна Филиппова—вдова извѣстнаго въ свое время публициста и автора историческихъ романовъ М. А. Филиппова и мать покойнаго редактора «Научнаго Обозрѣнія» М. М. Филиппова.

[2]) Все вышеизложенное, касающееся происхожденія моего отца, мнѣ сообщено было въ 1880 году моимъ мужемъ, Михаиломъ Абрамов. Филипповымъ, а имъ, по его словамъ, почерпнуто изъ архив. данныхъ, бывшихъ доступныхъ ему; тогда же всѣ эти данныя были записаны мной.

мой впослѣдствіи разсказывалъ, что когда товарищи покупали себѣ сладости, онъ, не имѣя денегъ или имѣя лишь гроши, въ послѣднемъ случаѣ покупалъ себѣ печеную рѣпу, при чемъ сначала снималъ съ нея кожу, а потомъ, съѣвъ рѣпу, съѣдалъ и кожицу.

Гроши у него изрѣдка водились, потому что онъ подчасъ рѣшалъ задачи, или писалъ сочиненія для старшихъ товарищей, за что и получалъ маленькое вознагражденіе. За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса, обоихъ братьевъ навѣстилъ ихъ дядя Хмельницкій и подарилъ имъ по рублю. Этотъ первый рубль, полученный моимъ отцомъ, казался ему большимъ сокровищемъ, и онъ зашилъ его въ галстухъ и не разставался съ нимъ.

Отецъ мой и его братъ были еще настолько малы, что когда ихъ привезли въ Петербургъ, то брата моего отца внесла на рукахъ нянька, которую, конечно, отправили домой, а обоихъ малютокъ сдали дядькѣ, изъ старыхъ солдатъ. Этотъ дядька замѣнялъ имъ и няньку и отца съ матерью; малютки привязались къ нему, и онъ ихъ полюбилъ, такъ что, когда оба брата, окончивъ свое образованіе, были опредѣлены въ дѣйствующую армію, а онъ выслужилъ свой срокъ и получилъ отставку, онъ остался при нихъ.

При пріемѣ дѣтей ихъ прежде всего раздѣвали догола, внимательно осматривали и изслѣдовали ихъ, затѣмъ катили апельсинъ, а ребенокъ бѣжалъ за нимъ, что давало возможность убѣдиться, что у него ножки не кривыя и что онъ, смотря по возрасту, болѣе или менѣе хорошо бѣгаетъ. Затѣмъ сдавали на руки дядькамъ, которые ихъ купали, а затѣмъ растили и какъ умѣли воспитывали и заботились о нихъ. Какъ жилось моему отцу и вообще всѣмъ кадетамъ, я въ точности не знаю, но полагаю, что не дурно, такъ какъ отецъ мой былъ опредѣленъ въ Шл. Кадетскій Корпусъ въ царствованіи Екатерины II, а изъ ея «Наказа» можно судить о томъ, какъ тепло и мудро она, а слѣдовательно и ближайшее начальство относились къ воспитанію и образованію кадетовъ.

Что воспитаніе было основано на началахъ разумныхъ, я заключаю еще и изъ того, что отецъ мой, въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ говорилъ о своемъ дѣтствѣ и юношествѣ, всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ и съ теплымъ чувствомъ о временахъ Екатериненскихъ. Кормили ихъ хорошо; пища была, само собой разумѣется, простая безъ всякихъ деликатессъ, но свѣжая, сытная и обильная. По утрамъ имъ, за исключеніемъ больныхъ, не давали чаю, а давали сбитень съ сайками. Что касается образованія, которое получали кадеты, то оно было основательно, что я заключаю отчасти изъ нѣсколькихъ сохранившихся у отца тетрадей, сшитыхъ изъ какой-то довольно грубой синей бумаги, съ чертежами, геометрическими и алгеб-

раическими задачами, и т. под.[1]) Все это было очень чисто и аккуратно написано; отчасти же я заключаю это изъ того, что отецъ мой основательно владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками,—теоретически и практически знакомъ былъ съ литературой XVIII и отчасти XVII столѣтій. Конечно эти познанія, а также отличный выговоръ отецъ мой пріобрѣлъ позже, тѣмъ болѣе, что насколько онъ могъ удѣлить времени отъ службы, онъ посвѣщалъ его чтенію, но все же начало и, повидимому, основательное, онъ несомнѣнно получилъ въ корпусѣ.

Что-же касается временъ Императора Павла, то о нихъ отецъ упоминалъ вскользь, т.-е. говорилъ только, что послѣ смерти Екатерины II и вступленія на престолъ Павла I, все измѣнилось: главное вниманіе обращалось на шагистику и внѣшнюю выправку, а также на дисциплину, ставшую не только суровой, но подчасъ и жестокой. Между прочимъ много горя и преслѣдованій испытывали кадеты изъ-за прически, при Екатеринѣ ихъ «стригли подъ гребенку», при Павлѣ велѣно было имѣть косы, заключавшіяся во мѣшечкахъ; косы эти должны были висѣть прямо, не трепаться, париковъ же не дозволялось носить ни солдатамъ, ни кадетамъ.

По окончаніи образованія въ Шляхетскомъ Кадетскомъ Корпусѣ мой отецъ и его братъ были причислены къ дѣйствующей арміи и опредѣлены въ Днѣпровскій полкъ. Отецъ мой, въ маѣ 1802 г. не имѣя еще полныхъ 19 лѣтъ, только что окончившій К. К. былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ октябрѣ того-же года, 19 лѣтъ отъ роду—въ прапорщики; 14 ноября 1803 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, и 15 апрѣля 1804 г.—въ поручики; штабъ-капитаномъ—въ августѣ (15) 1809 году, а 20 мая 1812 г. онъ былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ при генералъ-маіорѣ, князѣ Хованскомъ; 30 іюля 1813 г. дивизіоннымъ адъютантомъ 12 пѣхотной дивизіи, а 31 декабря 1814 г.—старшимъ адъютантомъ той же дивизіи; въ октябрѣ 1815 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адьютантомъ въ отдѣльномъ корпусѣ, оставшемся во Франціи съ оставленіемъ при настоящей должности и въ томъ-же полку; въ чинъ капитана онъ былъ произведенъ 18 декабря 1815 г.—маіора 23 августа 1816 г., а за отличіе по службѣ 29 октября 1818 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, а затѣмъ 26 ноября 1823 г. за отличіе по службѣ онъ получилъ чинъ полковника; 21 мая 1823 г. отецъ мой былъ назначенъ генералъ-гевальдигеромъ 2 арміи, съ оставленіемъ при прежней должности и въ томъ же полку. 30 марта 1828 г. онъ былъ назначенъ членомъ полевого аудиторіата 2-ой арміи; 29 марта 1829 г. былъ назначенъ къ исправленію должности Генералъ-Провіантмейстера 2-ой арміи; 8-го ноября 1830 года Высочайшимъ указамъ Прав. Сенату отецъ мой былъ назначенъ Исправляющимъ должность Генералъ-Интенданта при

[1]) Къ сожалѣнію, ни тетради эти, ни тетради съ выписками изъ прочитаннаго имъ въ теченіе почти всей его жизни, съ примѣчаніями, не сохранились.

Кавказскомъ Отдѣльномъ Корпусѣ, получивши предварительно, за отличіе по службѣ, чинъ Генералъ-Маіора 6-го декабря 1829 г. 20 ноября 1838 г. онъ Высочайшимъ приказомъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада, опредѣленномъ уставомъ 6 декабря 1827 г. по 3000 руб. въ годъ, о чемъ въ томъ же году послѣдовалъ Высочайшій указъ Прав. Сенату. Должность Интенданта онъ исполнялъ по день сдачи, 20 февраля 1839 года. Наконецъ, 12-го августа 1845 г. Высочайшимъ приказомъ отецъ мой былъ снова опредѣленъ на службу, съ назначеніемъ Генералъ-Интендантомъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, прибылъ онъ и вступилъ въ должность 10 ноября 1845 г. Что же касается сраженій, въ которыхъ участвовалъ мой отецъ, то о нихъ показано въ его «формулярномъ спискѣ о службѣ и достоинствахъ Генералъ-Интенданта Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Генералъ-Маіора Васильковскаго».

Формуляръ этотъ былъ составленъ въ 1846 году, а потому въ немъ есть нѣкоторые пробѣлы, касающіеся его вторичнаго назначенія на должность Интенданта, его производства въ Генералъ-Лейтенанты, его выхода въ отставку и т. под. «1806 года, октября 19, въ прусскихъ предѣлахъ, при Генералъ-Лейтенантѣ Остенъ-Сакенѣ, исправляя должность по квартирмейстерской части, находился въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ; того же года, декабря 14, подъ мѣстечкомъ Пултускомъ; 1807, генваря 26-го и 27-го подъ Прейсишъ-Эйлау; февраля 20 и 21, при деревнѣ Лаунау маія[1]) 24 и 25 подъ Гутштадтомъ; 29—подъ Гейльсбергомъ; іюня 3-го подъ Фридландомъ, а потомъ 11 іюля—обратно въ Россію. Во время же войны 1812, —13 и—14 годовъ находился въ сраженіяхъ: 1812-го іюля 15-го при разбитіи саксонскихъ и австрійскихъ войскъ у г. Кобрана; сентября 30 въ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ при селеніи Климинкахъ; октября 6-го въ герцогствѣ Варшавскомъ, при м. Бяломъ; ноября съ 16 декабря по 22 при быстромъ преслѣдованіи французовъ, отъ г. Новоборисова до г. Вильны; 1813 въ походѣ черезъ герцогство Варшавское и Силезію въ Саксонію, гдѣ 7-го маіа находясь въ разбитіи непріятеля у м. Кенигсвартенъ, за оказанное при семъ отличіе, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ; 8 и 9 при Бауценѣ; того-же года, октября 8 и 9 въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, за которое и награжденъ орденомъ Св. Анны 4-ой степени; 1814г. февраля 23,—во Франціи, подъ Красномъ, за которое и награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью: «за храбрость»; 25-го, подъ Лаономъ, а потомъ при возвращеніи войскъ слѣдовалъ черезъ Германію на зимовыя квартиры въ герцогство Варшавское, 1815 году, апрѣля съ 27-го, черезъ Пруссію и Германію во Францію, гдѣ находился съ корпусомъ подъ командою графа Воронцова, до 28 ноября 1818 года, находясь при главной квартирѣ арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ оною переправляясь 25 апрѣля за границу въ княжество Молдавію при мѣст. Фальчи, прибылъ

[1]) Я придерживаюсь ороографіи формул. списка.

2-го мая къ крѣпости Браиловъ, откуда 7-го того же мѣсяца, командированъ въ г. Галацы, для исправленія ком. должности.

Въ Галацахъ онъ пробылъ и въ этой должности оставался по 20-ое число іюня; потомъ, переправлясь черезъ Дунай, слѣдовалъ по Булгаріи черезъ г. Бабадалъ-Карасу, въ Базарджикъ, откуда командированъ въ г. Каварну для занятія должности коменданта, отколь возвратился на зимовыя квартиры въ г. Яссы 17 ноября. Въ 1829 году, исправляя должность Генералъ-Провіантмейстера 2 арміи, находился безотлучно при Главной Квартирѣ, въ которую по выступленіи изъ г. Яссы 2-го апрѣля проходилъ черезъ Княжества Молдавію и Валахію и прибылъ къ Дунаю; по переправѣ черезъ рѣку сію при крѣпости Гирсовѣ 23-го числа того же мѣсяца слѣдовалъ въ крѣпость Силистрію, гдѣ и оставался во время осады оной по 24 число маія, а сего числа по выступленіи отъ Силистріи главныхъ силъ арміи, находясь при Главной Квартирѣ, слѣдовалъ черезъ селеніе Кауру къ Шумлѣ, гдѣ былъ какъ при разбитіи арміи верховнаго визиря, въ сраженіи, происходившемъ 30 маія при селеніи Кулевчѣ, такъ и при наблюденіи той крѣпости до 5-го іюля, а сего числа, слѣдуя также при Главной Квартирѣ арміи къ рѣкѣ Камчику и переправясь черезъ оную 8-го числа, выступилъ въ Балканскія горы, и перешедъ оныя, проходилъ черезъ города Айдосъ, Карнабатъ, Сливно, откуда 31-го іюля черезъ Ямбольк, къ второстоличному городу Оттоманской Имперіи Адріанополю, занятому 8-го августа, гдѣ и оставался по 10-ое Ноября, потомъ при расположеніи Главной Квартиры на зимовыя квартиры въ г. Бургасѣ, прибывъ туда 16-го ноября, оставался по 25 апрѣля 1830 г., а сего числа выступивъ съ Главной Квартирою, слѣдовалъ обратно черезъ Балканскія горы, гдѣ переправляясь черезъ рѣку Дунай близъ крѣпости Исакчи, вступилъ въ Россійскіе предѣлы 12 маія. Раненъ и въ плѣнъ взятъ не былъ; сверхъ настоящей, особыхъ порученій по Высочайшему повелѣнію и отъ всего начальства не имѣлъ. 1823 года 6 октября, при Высочайшемъ смотрѣ 2-ой арміи объявлено Высочайшее благоволеніе; того же года ноября 26-го за выслугу въ оф. званіи 25 л. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. великом. Георгія 4-го класса. 1826 г. Всемилостивѣйше пожалованъ 1500 руб; 1828 г. награжденъ 1200 руб; 1830 г.—4000 руб. За отличное усердіе къ службѣ 22 сентября 1833 года награжденъ орденомъ св. Святослава I-ой степени, 24 апрѣля 1835 г. пожалована аренда по чину на 12 лѣтъ, а 22 августа 1834 года Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, а въ 1841 г. августа 22 Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпороной службы за XXXV л. на перемѣну таковаго имѣющагося у него за XXX л. Всемилостивѣйшихъ рескриптовъ и похвалъ не получалъ».

По россійски, французски и нѣмецки читать и писать умѣетъ Геометрію, Исторію, Географію и Физику знаетъ. Въ отпускахъ не бывалъ.

Въ штрафахъ по суду и безъ суда не бывалъ, Высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ не подвергался. У него жена Розалія, дочь Фердинанда, Римско-католическаго вѣроисповѣданія; у нихъ дѣти: сыновья: Федоръ, 22 лѣтъ, Егоръ—21 г., Степанъ 10 л. и дочери: Наталія 20 л., Елизавета 13, Анна—8 и Александра—6 лѣтъ,—православнаго исповѣдованія.

Въ комплектѣ при своей должности на лицо, къ повышенію чиномъ и къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы достоинъ. По дворянскимъ выборамъ не служилъ. Отчеты отдавалъ въ срокъ. Жалобамъ, которыя начальствомъ найдены основательными и хотя по существу оныхъ виновный суду не подлежалъ, и если въ виду начальства таковыя жалобы были, то отъ кого, когда именно и въ чемъ оныя состояли—не подвергался.

Слабымъ въ отправленіи службы не былъ и безпорядковъ между подчиненными не допускалъ. Оглашаемъ и изобличаемъ въ неприличномъ поведеніи не былъ».

ГЛАВА II.

Не помню навѣрное, во время котораго изъ сраженій мой дядя былъ раненъ въ ногу. Рана была настолько серьезна, что пришлось ему отрѣзать ногу. Операцію эту, которая, само собой разумѣется, производилась безъ хлороформа, онъ перенесъ мужественно; по разсказамъ отца онъ далъ слово, что не будетъ двигаться ,и просилъ его не держать, а разрѣшить ему курить, ему дали трубку, и онъ не только не сдѣлалъ ни одного движенія, не кричалъ, но и не застоналъ, а когда пришлось невтерпежъ, то страданія его выразились только тѣмъ, что онъ такъ стиснулъ зубы, что перекусилъ чубукъ. Послѣ операціи онъ скоро поправился. Государыня Императрица прислала ему и нѣкоторымъ другимъ оперированнымъ хорошую пробковую ногу, которой онъ отлично владѣлъ. Къ сожалѣнію онъ былъ очень живого, нѣсколько легкомысленнаго характера. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ влюбился, засватался и когда родители его невѣсты устроили по этому случаю вечеръ, онъ на радостяхъ вздумалъ танцовать, несмотря на убѣжденія моего отца, невѣсты и ея родныхъ. На другой день у него воспалилась нога, открылись раны, сдѣлался антоновъ огонь и онъ умеръ. Съ его смертью отецъ мой окончательно осиротѣлъ, такъ какъ кромѣ брата, съ которымъ они росли, дѣлили горе и радость и жили душа въ душу, у него не оставалось никого близкаго: съ дядей своимъ съ отцовской стороны онъ разошелся навсегда; дѣло въ томъ, что когда за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска изъ Шлях. Кад. Корпуса его навѣстилъ дядя Хмельницкій, то онъ сказалъ ему, что у него есть большія имѣнія въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., и посовѣтывалъ ему съѣздить туда и переговорить съ дядей-опекуномъ. Съ разрѣшенія начальства, онъ послѣ выпуска съѣздилъ

туда и между ними произошло что-то такое, что повело къ разрыву. Что именно произошло, мы не знали, какъ не знали пи того, что у него были родные, ни того, что у него были имѣнія и вообще какое-то ни было состояніе. Но въ 1853 г., когда мы были въ институтѣ, а братъ нашъ былъ студентомъ въ Новороссійскомъ Университетѣ (Лицеѣ), брата посѣтила какая то дама, нарочно зашедшая съ этой цѣлью въ Лицей; она сказала ему, что она ему приходится теткой, такъ какъ она двоюродная сестра нашего отца, что она хотѣла бы быть у него, повидаться съ нимъ, и просила моего брата навѣстить ее въ Лондонской гостиницѣ и сообщить ей отвѣтъ отца. Когда же братъ мой передалъ все это отцу, то онъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакихъ родныхъ. Послѣ этого мы ничего и никогда не слышали отъ отца, спрашивать котораго мы не рѣшались, и лишь послѣ смерти отца мы узнали отъ матери кое-какія подробности.

Во время оккупаціи Парижа, въ 1814—1815 г., отецъ мой квартировалъ въ домѣ одного инвалида, служившаго въ Великой арміи до того времени, какъ Наполеонъ короновался императоромъ французовъ. Семья его состояла изъ жены, нѣсколькихъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая была замужемъ, а младшая Розалія была очень красивая 14-лѣтняя дѣвушка, свѣтлая блондинка, средняго роста, съ чудными глазами цвѣта морской воды, великолѣпнымъ цвѣтомъ лица и бѣлыми ровными какъ жемчугъ зубами, къ тому же она была очень живая, подвижная, пріученная къ хозяйству, къ разнымъ женскимъ рукодѣліямъ, какъ-то къ плетенію кружевъ, къ шитью и кройкѣ бѣлья, къ починкѣ и штопкѣ и т. под. Полюбилась она моему отцу настолько, что онъ рѣшился жениться на ней. Долго родители колебались; особенно отецъ не рѣшался отдать дочь за русскаго, отпустить ее въ далекую страну, о которой французы имѣли туманное представленіе, какъ о странѣ полудикой, гдѣ зима, притомъ ужасная зима длится чуть ли не цѣлый годъ, гдѣ бродятъ медвѣди и волки, а люди-варвары. Но наконецъ они рѣшились отдать свою дочку за русскаго барина, отнюдь не похожаго на варвара; ихъ обвѣнчали по католическому обряду въ костелѣ, а въ православной церкви они вѣнчались уже въ Россіи, по возвращеніи туда въ 1819 г. Дѣвичья фамилія моей матери была Репап, они были родомъ изъ Брюгге, гдѣ въ то время жила еще бабушка моей матери, обладавшая большой фермой и, вообще, хорошими средствами. Семья Репап была настолько обширна, что когда, бывало съѣдутся къ бабушкѣ всѣ члены ея семьи, сыновья съ женами и дѣтьми, дочери съ мужьями и дѣтьми, внуки и правнуки, что обязательно случалось въ день рожденія бабушки, на Пасху и къ новому году, то семья насчитывала около 300 душъ. Все это былъ народъ здоровый, дѣльный .Бабушка моей матери пользовалась въ ихъ средѣ любовью и уваженіемъ; ея совѣтовъ слушались, ея волѣ подчинялись. Она, несмотря на свой преклонный возрастъ, цвѣла здоровьемъ и, обладая хорошими средствами, вела свое хозяйство хорошо. Отецъ съ моей матерью послѣ вѣнчанія поѣхали къ ней въ Брюгге; при-

няла она ихъ благосклонно, благословила и подарила моей матери бриліантовыя серьги съ подвѣсками, такими большими, что впослѣдствіи мая мать, выдавая меня замужъ, сдѣлала изъ нихъ двѣ пары серегъ, для меня и для младшей сестры, какія насили въ мое время, т.-е. въ 1856 г., безъ подвѣсокъ, но съ довольно большимъ украшеніемъ въ видѣ астры, съ крупнымъ бриллльянтомъ по серединѣ и болѣе мелкими въ каждомъ изъ шести лепестковъ; кромѣ того для каждой изъ насъ вышло еще и по кольцу съ крупнымъ брилліантомъ. Кромѣ того мать моя получила еще отъ бабушки брошку съ очень крупнымъ алмазомъ.

Отецъ мой впослѣдствіе разсказывалъ намъ, что Брюгге, тогда еще назначительный городокъ, отличался поразительной чистотой; такъ, улицы, мощенныя подъ мозаику, не только подметались, но и тщательно мылись по нѣсколько разъ въ день, въ домахъ все блестѣло чистотой; въ кухняхъ семьи обѣдали и почти всегда проводили зимніе вечера, такъ какъ, онѣ отличались особенной чистотой и даже нѣкоторымъ изяществомъ: мѣдная посуда, развѣшанная по стѣнамъ, горѣла какъ золото, каменная посуда, столовая и чайная посуда были аккуратно разставлены по полкамъ. Хозяйка и весь женскій персоналъ работали сами въ кухнѣ, но застать ихъ расплохъ нельзя было, потому что онѣ всегда съ утра были просто, но чисто одѣты, аккуратно причесаны, а во время работы накидывали на себя нѣчто вродѣ балахона, который легко было снимать. Эту національную чистоплотность, аккуратность и хозяйственность мать моя унаслѣдовала и сохранила до самой смерти.

Въ 1815 году союзныя войска выступили изъ предѣловъ Франціи и русскія войска слѣдовали черезъ Германію на зимовыя квартиры въ герцогство Варшавское; въ 1815 году, съ 27 апрѣля отецъ мой черезъ Пруссію и Германію возвращался во Францію ,гдѣ находился съ корпусомъ подъ командою графа Воронцова до 28-го ноября 1818 года, находясь при главной квартирѣ арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ оною переправляясь 25 апрѣля за границу, въ княжество Молдавію, при мѣстечкѣ Фальги.

Дальнѣйшій ходъ службы моего отца, а также подробный отчетъ сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, наградъ, чиновъ и пр. я передала выше, въ копіи его подлиннаго формулярнаго списка, а потому возвращаться къ этому буду только, по сколько все это отзывалось на его семьѣ. Теперь же замѣчу только, что въ форм. спискѣ не упомянуто о томъ, что отецъ жилъ съ матерью одно время въ Тульчинѣ, гдѣ исправлялъ должность директора Кад. Корп., и тогда же былъ генералъ-аудиторомъ. Мнѣ это извѣстно изъ разсказовъ матери, а также изъ одной встрѣчи, о которой я разсказываю въ моихъ воспоминаніяхъ объ инстит. жизни въ 1850—1854 г.; здѣсь же я упомяну о ней ниже лишь вскользь. Пока же вернусь къ матери. Несмотря на частыя и продолжительныя отлучки моего отца, мать моя подъ

его вліяніемъ быстро развивалась, много читала. Остальное время она посвящала женскимъ работамъ и хозяйству. Но такъ какъ она была очень молода, да притомъ въ разлукѣ со своими родными, далеко отъ своей родины, такъ какъ кромѣ того первыя дѣти ея умирали вскорѣ послѣ рожденія, то она подчасъ сильно тосковала. Тутъ-то старый дядька-денщикъ, бывшій дядька моего отца въ Шл. Кад. Корпусѣ, перенесшій свою заботливасть на «маленькую басурманочку», приложилъ всѣ старанія, чтобы ее развлечь: когда сдохла ея любимица-собачка, которую она привезла изъ Франціи, она выпорола изъ халата моего отца сшитаго изъ дорогой тармаламы (особаго рода персидкая шелковая матерія, съизнанки волосатая, снаружи вытканная цвѣтными узорами въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ на персидскихъ шаляхъ) одно полотнище для савана своей собачки; старикъ дядька пожурилъ ее, но помогъ ей отрѣзать часть этого полотнища для савана, въ который она и завернула свое сокровище, а старикъ сколотилъ для собачки гробикъ изъ дощечекъ, положилъ въ гробикъ подушечку, на которой спала собачка, и они вдвоемъ похоронили ее во дворѣ, а на могилкѣ ея посадили деревцо. Послѣ этой церемоніи мать снова вшила остатокъ матеріи въ халатъ, такъ искусно, что ничего не было замѣтно на глазъ; замѣтилъ-ли отецъ, что халатъ сталъ уже, я не знаю; онъ, по крайней мѣрѣ, ни слова не сказалъ объ этомъ ни матери, ни дядькѣ. Между тѣмъ дядька досталъ скворца, научилъ его говорить нѣсколько словъ и подарилъ «маленькой басурманочкѣ». Хотя старикъ ни слова по-французски не зналъ, а мать моя тогда довольно плохо изъяснялись по-русски, но они отлично понимали другъ друга.

Наконецъ наступило время Турецкой компаніи и отецъ долженъ былъ отправиться въ турецкій походъ. О сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и о назначеніяхъ его на различныя должности, я упоминула выше, а теперь разскажу, какъ и гдѣ онъ устроилъ мать на время своего отсутствія. Несмотря на то, что за уходъ и присмотръ стараго дядьки, на котораго можно было вполнѣ положиться въ этомъ отношеніи, отецъ мой былъ спокоенъ, но онъ не рѣшался оставлять ее исключительно на его попеченіи, а потому помѣстилъ ее на все время своего отсутствія въ семьѣ старыхъ помѣщиковъ, его старинныхъ и хорошихъ знакомыхъ, состоящей изъ отца, матери и ихъ дочери Кати, дѣвушки, получившей кое-какое образованіе и владѣвшей французскимъ языкомъ. Тамъ же устроили и денщика-дядьку. Старики были очень гостепріимны, добродушны и рады были пребыванію у нихъ дѣятельной, живой, жизнерадостной совсѣмъ еще молодой француженки, внесшей сразу въ ихъ однообразное житье-бытье жизнь и расшевелившую даже Катю, олицетвореніе вялости и неподвижности. По разсказамъ матери, ей жилось хорошо въ этой семьѣ: Катя подружилась съ ней и хотя была старше ее, подчинялась ей; старики въ ней души не чаяли; обладая необыкновенною памятью и недюжинными способностями, она стала говорить и читать по-русски; она усвоила даже выговоръ и говорила почти

правильно, хотя въ рѣчи ея попадались малорусскіе обороты. Относились къ ней старики любовно, такъ какъ, вѣроятно, жаль было бѣдной «басурманочки», заброшенной такъ далеко отъ своихъ родныхъ и соотечественниковъ, жалѣя ее и желая ей замѣнить хоть отчасти родныхъ, они ласкали ее и откармливали, по словамъ матери, «на убой». Вообще мать наша никакъ не могла понять, какъ можно цѣлый день ѣсть и спать. Семья этихъ «старосвѣтскихъ» помѣщиковъ вела жизнь въ родѣ семьи «Обломова»: старики и мать наша вставали рано; Катя вставала поздно и одѣвалась медленно. Бывало мать моя успѣетъ одѣться, умыться, въ лѣтніе дни выкупаться, успѣетъ обѣгать весь садъ, огородъ, успѣетъ побывать въ птичьемъ и на скотномъ дворѣ, покормить птицъ и посмотрѣть, какъ доятъ коровъ; старики и мать моя напьются, они—чаемъ, она—кофе, а, Катя все или спитъ, или одѣвается. Послѣ чая—завтракали, притомъ обильно; въ 1 ч. обѣдали; обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ; послѣ обѣда пили кофе. Старики отправлялись спать «на часокъ»; но часокъ этотъ длился, обыкновенно, безъ малаго до 5-ти часовъ; въ 5 часовъ пили чай, со сливками, булочками и т. д. Катя же послѣ обѣда не спала, а ложилась на диванъ съ книгой въ рукѣ; возлѣ дивана, на столѣ ставились сладости, по большей части домашняго издѣлія, какъ-то: варенье разныхъ сортовъ, пряники, фрукты свѣжіе или засахаренные, маковники на меду и проч. тому подобное. Мать, хотя и большая лакомка по части сладкаго, ѣла немного; Катя все время уплетала то то, то другое. Мать моя, бывало, посидитъ съ часъ возлѣ дивана на креслѣ, либо читаетъ, либо работаетъ, а потомъ, лѣтомъ, снова побѣжитъ въ садъ; Катя иногда уступала ея просьбамъ, и тоже отправлялась съ ней въ садъ, но чаще отказывалась, отговариваясь то тѣмъ, что жарко, то тѣмъ, что книга ужъ очень заинтересовала ее. Катя и мать моя, несмотря на разницу въ характерахъ, вкусахъ и привычкахъ, жили дружно между собой, хотя иногда Катя, своей вялостію, выводила мать мою изъ себя. Не разъ она разсказывала намъ, какъ она, еще въ самомъ началѣ своего пребыванія въ деревнѣ была поражена: Катя лежала съ книгой въ рукахъ, но не читала ее, а разговаривала о чемъ-то съ моей матерью или, вѣрнѣе, мать что то разсказывала, а она слушала. Вдругъ она позвонила; вошелъ «казачокъ», мальчикъ лѣтъ 10—12, обязанный сидѣть въ передней вплоть до того времени, когда проснутся господа. Катя вяло приказала ему позвать либо буфетчика, либо лакея. Вошелъ лакей,—ему приказано было позвать ключницу; та должна была позвать старшую горничную, а эта послѣдняя—Машу, спеціальную горничную Кати. Когда пришла Маша, Катя приказала ей поднять носовой платокъ, упавшій со стола на полъ возлѣ дивана. Маша, исполнивъ это—удалилась. Мать моя, пораженная всѣмъ этимъ, нѣсколько времени молчала, а потомъ вскочила и гнѣвно объявила Катѣ, что если бы у нея была подъ рукой палка и она имѣла бы право, она поколотила бы ее: щеки ея пылали, голосъ прерывался отъ гнѣва. Закончила она объявивъ, что если Катя такая калѣка, что даже не состояніи поднять платка, то отчего она, во-первыхъ, обезпокоила казачка, буфетчика, лакея; ключ-

ницу, старшую горничную и Машу, и не велѣла сразу позвать Машу или не велѣла казачку поднять платокъ а во-вторыхъ—почему не попросила ее, Розалію, оказать ей такую пустую услугу?

На отвѣтъ Кати, что она никогда не рѣшилась бы безпокоить ее, а всѣ перечисленные ею вѣдь слуги, при томъ—крѣпостные, мать моя еще съ большей горячностью возразила, что крѣпостные слуги—тоже люди, и что ее возмущаетъ кромѣ того то, что молодая, здоровая барышня ставитъ себя въ такую зависимость отъ слугъ, что безъ нихъ не можетъ и платка поднять; высказавши все это, она встала и убѣжала въ садъ, такъ какъ гнѣвъ ея уступилъ охотѣ смѣяться и она боялась тутъ же разразиться смѣхомъ, такъ какъ вся эта сцена показалась ей «par trop ridicul».—Въ пять часовъ пили вечерній чай, опять таки со всякими печеніями; въ восемь часовъ плотно ужинали, а между чаемъ и ужиномъ лѣтомъ гуляли въ саду, рѣдко по селу; зимой сидѣли всѣ вмѣстѣ: старикъ курилъ трубку, старуха вязала чулокъ, потомъ отправлялась въ кухню заказывать обѣдъ на завтра, а Катя и мать моя занимались какимъ-нибудь рукодѣліемъ. Въ 10 часовъ весь домъ спалъ мертвымъ сномъ.

Такъ шли дни за днями, однообразно, монотонно; моя мать, однако, не скучала, такъ какъ была вѣчно занята. Она сумѣла какъ-то сдѣлаться полезной семьѣ, въ которой жила; она то, что-нибудь помогала шить, то штопала, а штопать она умѣла такъ искусно, что невозможно было найти гдѣ заштопанное мѣсто, то гладила, то хозяйничала. Ей удалось расшевелить и Катю. Старики ее такъ полюбили, что имъ очень тяжело было разставаться съ нею, когда наступило время возвращенія отца.